

ПОСТИГАЯ ОБРАЗ ЭПОХИ

Слово — члену Центральной
ревизионной комиссии КПСС
Михаилу УЛЬЯНОВУ,
народному артисту СССР

БУРНЫЙ, жизнестойкий рост нашего общества на протяжении всех почти шестидесяти лет всегда сопровождался разрешением целого ряда проблем — экономических, социальных, духовных. В них — диалектика нашего дальнейшего ускоренного развития. В отличие от экономических, социальных проблем духовные не всегда бывают осязаемы, не столь точно и четко обозначены, иногда просто спорны, но они не менее важны для всей нашей жизни. Я буду говорить именно о них. Ведь в конце концов они немалая часть моих повседневных забот, поисков, радостей и огорчений.

Очевидная истина — у нас выросли новые, образованные люди. Очевидно также, их вкусы, потребности, духовные интересы далеко не однородны. Ведь продолжительное время мы жили в условиях строжайшего экономного накопления и напряженнейшей учебы. Это казалось не только хозяйствования, производительных сил, мощностей, материальных ресурсов, но в всех сторон нашей жизни, включая духовную. Советский народ учился, открывал культурные ценности, постигал, накапливал духовный опыт. И результат превзошел ожидания. Миропонимание наших людей развито настолько, что они владеют вполне реальной избирательностью и независимостью в оценке произведений искусства.

А если говорить о театре, то, конечно, русский, российский зритель с первых лет революции воспринимал сценическое искусство как необходимую духовную сущность жизни. Однако при всем при том он был добр и доверчив и легко прощал нам ненужный набор романтически положительных героев, порой выведенных по среднеарифметической театральной схеме. Нечто подобное происходило и в кино. Положение зрителя многие годы было несколько соподчиненным, он осваивал ту духовную пищу, которую мы ему предлагали.

Теперь же положение существенно изменилось. Зритель имеет свое самостоятельное суждение. И театр, кино, телевидение должны считаться с его настоящими потребностями и вкусами, я бы сказал, несколько переоценить свое положение и свою роль в отношении со зрителем. От этого зависит многое. Как легко впасть в ошибку, погрязая не очень-то высоким вкусом (и такие люди есть), объявляя им в соотв. раз прописи давно усвоивших истин.

Но у искусства другой путь. По вахтанговской сцене, с которой связана вся моя творческая жизнь, я чувствую: люди сегодня тянутся ко всему серьезному, ясному, что обжигает новизной их ум и душу. Они ищут в театре разрешения высоких нравственных проблем, общественно и индивидуально сложных. Вот почему я глубоко убежден: во все времена при самом высоком умственном, интеллектуальном, духовном развитии, при самом высоком благополучии людей театр должен воспитывать человека в нравственном очищении души, в напряженнейшей борьбе чувств, ума за высочайшие человеческие идеалы. Белинский говорил: театр — это кафедра добра, с которой проповедуется не только добро, но и отрицается зло. Это уже действие, движение, борьба, наконец, а не созерцательное умствование.

Довольно странная вещь — именно сейчас, когда у нас вырос сознательный, все понимающий, умный зритель, мы почему-то боимся пробуждать в нем созидательные эмоции. Непомерно заботимся о его спокойствии, которое нередко, если уж честно-то говорить, срывает равнодушию. Это, конечно, удобно — никого не тревожить. Но не в удобстве ведь смысл жизни. Так можно остаться на берегу, а поток многонародной, многоязыкой, многогранной жизни пройдет мимо нас. А уж какие мы революционные художники, если нам не хватит смелости, мужества, отваги, ума и таланта броситься в этот грозный и многоликий поток жизни

ни, чтобы достать драгоценные россыпи, достойные в отточенных гранях отразить красоту, смысл, беспокойство и величие человеческого духа.

И все же художник должен, обязан быть этим неутомимым ныряльщиком, как образно называл мастеров искусства Гюстав Флобер. Пусть в невероятном, фантастически нелегком труде мы должны доставать драгоценные россыпи, что могут удивить, потрясти зрителя, обновить его, вызвать в нем боль, горечь, страх, радость, восторг, сострадание, участие, ненасытную самоотверженную жажду созидания. И тогда театр впереди зрителя, тогда он воспитывает. Но, с другой стороны, театр как жанр искусства отражает жизнь, и в этом смысле жизнь выше театра, она идет вперед его, питая соками могучее древо человеческого духа. Вот соль диалектики, постижение которой открывает тайны и мудрость искусства, всего художественного творчества.

В РОДЕ бы все ясно: действуй, доставай россыпи, знай оба конца качели — когда ты впереди, когда ты зади. И тебя ждет удача. Ан нет. Постичь-то соль диалектики оказывается делом чрезвычайно нелегким, чрезвычайно издержками, и немалыми. Ведь жизнь сегодняшняя так полна неожиданностей, так многосложна, что в ней просто трудно уцепить ту мысль, то звено, которое бы точно, универсально определило главнейшие, характернейшие явления нашей жизнедеятельности. Возможно, как рассуждают некоторые, это повластно только гениям — Пушкиным, Достоевским, Толстым, Станиславским, Шостаковичам, Шолоховым. Но ведь они не являют к нам каждый день. Тогда, в меру наших собственных творческих сил, пусть и невеликих, мы должны работать сами, чтобы объединенными усилиями создать остро осмысленный образ нашей, социалистической эпохи. Такую задачу во всей своей непреходящей значимости поставил XXV съезд КПСС перед советскими художниками.

А эпоха наша с ее грандиозностью, масштабностью свершений не терпит приблизительной правдивости и приниженного, заземленного реализма. Жизнь слишком богата в своем разнообразии, люди крупны, неоднородны, характеры индивидуально, чтобы среднеарифметические кинотеатральные схемы могли вместить их поступки, дела и чувства. К тому же вдруг оказалось, что и нравственный максимализм, который мы всегда считали высшим благом, может сдерживать жизнь, столь противоречивую в своих проявлениях. Сказалась инерция прежних лет, когда с театральных подмостков, экрана кино и телевидения, как и с трибуны, оглашали лишь наши достижения, не анализируя их, забывая, что и восприятие достижений тоже требует нравственной атмосферы, воспитания людей. Говоря о диалектике, мы не желали считаться, что движение поступательно, лишь когда сохраняются единство и борьба противоречий. Для искусства это закон.

К сожалению, эту инерцию мы до конца не преодолели и сегодня. Еще нередко можно услышать: «Ну вот же пьеса о директоре химзавода, сыграйте, он хороший человек. Вот какой секретарь райкома. Он выслушает, покрикует, вмешается, поможет... Роль, что еще надо? А вот замечательная доярка, у нее высокие показатели...» Я не утрирую, бывают такие рассуждения. А ведь сам по себе хороший директор и замечательная трудолюбивая доярка — это еще не предмет искусства. Такие призывы — попытки приземлить, принизить искусство, подменить его иллюстраторством. Если мы на сцене начнем выполнять производственный план по литью, по привесам, да-

ям, то, конечно, можем дать любые показатели — и 150, и 200 процентов. Только, уверяю, ничего хорошего из этого не получится, не будет ни больше металла, ни больше молока.

Если бы Друзья, роль которого я играю в спектакле «День-деньской», был просто хорошим директором и исправно выполнял план по выпуску котлов, мог бы он привлечь пристальное внимание? Вряд ли! Людей интересуют выявление принципов, «методология» борьбы. Вот Друзья ради дела идет на риск, сознавая, что это может дорого ему обойтись. Сознания, но не отказываясь от своей партийной позиции. Возникает конфликтная ситуация, вроде бы из-за котлов, но мы о них забываем, наблюдая, как нравственно стоек, мужествен этот человек, вступивший в единоборство с рутинной взглядов, убеждений, привычек людей, тоже весьма уважаемых. И за тем, что происходит на сцене, я чувствую, люди следят с обостренным вниманием. Спектакль их волнует. Хотя поначалу это была средняя пьеса на «производительную» тему о котлах. Но Театр имени Вахтангова увидел в ней живой нерв жизни и с присущим профессиональным мастерством обнажил его, выветвил характеры людей, нравственные мотивы их поступков. Вот чего ждет от нас зритель в каждой картине, в каждом спектакле на современную тему.

К этому стремится и сам современный актер. Его мир сегодня тоже сложный и далеко не однородный. Многие изменилось в профессиональной жизни актера. В театр уже берут не за громкий голос — микрофоны сильнее, и не за броскую, красивую внешность — на сцене внешность скрашивают поступки, а кинокамера способна облагородить что угодно. Словом, наши лучшие, талантливые актеры, если к ним повнимательнее приглядеться, то их в массе и не выделяешь... Но ведь если, скажем, Евгений Лебедев удивляет, потрясает нас, то отнюдь не бархатным баритоном (наоборот, помните, в «Мешанах» повизгивающий, срывающийся в приступах ярости фальцет), он заражает нас льяловским проникновением в образ, лебедевским видением, своей трактовкой жизни. Именно в этот момент он оказывается впереди зрителя, выше его — выше по увиденному, по открытому им в бездне внутреннего мира человека. Ныне многие вопросы при всей ясности бывают путанными применительно к оной человеческой жизни, толкуются и понимаются по-разному. Вот Ниточкин в фильме «Твой современник» — роль архитектора. Уверен, каждый актер, кому выпало бы ее сыграть, взял бы свой философский ракурс. Но видение этого индивидуума Ниточкина актером Николаем Плотниковым оказалось наиболее ясным. Он сумел раскрыть характер смелого ученого и тонкого, наблюдательного, жизнелюбивого, неординарно выверенного человека, и мужественного гражданина. Причем все эти три состояния даны Плотниковым в философски осмысленной трактовке и в согласии с его собственной, плотниковской, жизненной позицией. Вот что сегодня интересно в искусстве — создание многогранных характеров, за которыми стоят явления нашей жизни.

НО МНОГО ли у нас появилось таких кинокартин, как «Твой современник», «Преиссаель», «Премия», много ли таких спектаклей, как «Человек со стороны», «Сталевавары»? Пока это лишь ряд образцов. А в массе — много скучных спектаклей, кинокартин, да и нередко утомительны своими безликими подробностями многосерийные телевизионные фильмы, будто снятые по залежавшимся очеркам. Поразительно, как все хотят озвучивать и проигрывать свои скороспелые жизнеписа-

ния со сложностями в один прозрачный, как стекло, слой. Эдакая поверхностность с обязательнейшим рецептом мгновенного излечения от всех жизненных бед, ошибок и затруднений. Такое искусство не может быть впереди зрителя, не может быть выше факта... Я лично не хочу участвовать в долобных фильмах, спектаклях, хотя само по себе это еще не выход из положения. Важнее подумать, как творчески в интересах зрителя и искусства использовать растущие возможности кино и телевидения. «Талантливое произведение литературы или искусства — это национальное достояние». Вот истинно партийный и творческий критерий, выдвинутый XXV съездом партии. И надо постоянно и настойчиво внедрять его в жизнь.

А у нас еще зачастую выдают чуть ли не за победу, что в репертуаре театра или киностудии двадцать современных спектаклей или фильмов, а то, что из двадцати девятнадцать плохих, это уже «не считается». Я понимаю, без современной жизни театр становится заповедником искусства. Но пусть будет не двадцать современных спектаклей, а пять, но жизненно волнующих, ведущих человека, а не возмещающих ему азбучные истины. И вообще арифметика хороша где угодно, только не в искусстве. Для зрителя вопрос стоит по-иному: «Нет хорошей современной пьесы — сыграйте больше классики. Но сыграйте, выявляя в классических образах характерности, близкие современному человеку». И это правильно. Если театр способен показать реальную правду «Мешан» Горького, протестующую смелость «Розы» Островского, искуснейше-изошренное зло «Ричарда III» Шекспира, тогда он воспитывает.

Значительно опаснее, если мы пойдем на поводу у невзыскательного зрителя, который жаждет развлечения, шекотания нервов, сладкой каши зрелищ. Я понимаю, и кино, и театр, особенно на периферии, экономически зависят от вкуса зрителя. И тогда она холодовая киноподелка сменяет другую, а в театре ставятся все менее и менее волевальнички, сопровождаемые танцами в фойе и пивом в буфете, чтобы только завлечь и развлечь. Но развлекать и угощать — это ведь вовсе не дело театра. Да и кино, телевидение могли бы, наверное, более осмысленно и с большей требовательностью отбирать зрелища. Ну право же, когда часто без оснований транслируют бесконечные соревнования на стадионах, во дворцах спорта и даже организируют свои, любительские, — в студиях телевидения, — занятия ли это для зрителя на целый вечер? Его отдах не только и не столько в этом.

Ведь было время, когда эти часы занимали, к примеру, прекрасные передачи покойного Сергея Смирнова, вызывавшие чувство патриотизма, восхищения человеческим мужеством. А сколько еще великодушных театральных спектаклей уже сделанных и поставленных. Ждут своего места в программах телевидения, а сколько интереснейших актеров могли бы увлечь своих поклонников глубоко осмысленным творчеством, провели они вечер на экране. К сожалению, почему-то круг всегда замыкается только московскими, изредка ленинградскими театрами и актерами. А ведь велика Россия талантами, уж не говоря в целом об Отечестве нашем.

Я вовсе не против отдыха, веселья, желания поиграть, пошутить, но хорошо бы помнить еще, что всепоглощающая развлекаемость опасна тем, что убивает глубокие человеческие эмоции, грозит душевным ожирением.

Мы многого достигли, жизнь наша становится все богаче, умножаются жизненные благополучие, удобства. Но в этих условиях партийное, народное искусство, каковым, по объему признанию, является советское искусство, должно ревностно служить нашему народу, воспитывая, открывая в лучших своих произведениях судьбы, характеры людей, неутомимых в борьбе за идеалы чистого общества.